

Элина
Наумова

БУДЬ МОИМ ОТЦОМ

Женские истории

Эллина Римовна Наумова
Будь моим отцом
Серия «Женские истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44003543

Будь моим отцом: роман. / Наумова Э.Р.: Центрполиграф; Москва;

2019

ISBN 978-5-227-08763-8

Аннотация

Лера Тимофеева рано осиротела: мать умерла от тяжелой болезни, а отца девушка вовсе не знала. Лера выросла и стала вполне благополучной молодой женщиной с хорошей профессией, квартирой в Москве, соответствующим образом жизни и кругом общения. Но тайна рождения стала все чаще тревожить ее, и Лера захотела выяснить – кто ее отец. Найденная ею однокурсница матери навела на след: предполагаемый отец девушки живет в Нью-Йорке. И Лера решила полететь в Америку и узнать, хочет ли ее отец стать ей отцом?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Эллина Наумова

Будь моим отцом

*Устала любить и жить
И саван надеждам шить,
Мечты хоронить, молясь,
Чтоб только одна сбылась.
Любая моя мечта —
Она неизбежно — та.*

*Все события вымышлены. Совпадений может быть
столько, сколько их бывает в жизни*

Глава 1

1

Живет в городе женщина средних лет, учится радоваться тому, что обрела, и не тосковать по тому, чего не досталось. Эта учеба не очень легко, но дается всем, у кого есть профессия, семья, жилье и разум. В общем, человек неспешно тащится по разбитой дороге к внутреннему благополучию и пытается иронизировать по поводу завидных красот на обочинах. Как-то приходит к ней женщина незнакомая молодая, в дочери годящаяся, и вежливо спрашивает: «Вы не знаете, кто мой папа?» Здравомыслие, опыт и материнский инстинкт хором подсказывают старшей ответ честный и краткий: «Нет». Но заветные, с самой собой связанные чувства мешают выговорить нужные буквы. В итоге младшая решается на авантюру, в которую невольно втягивается любимый отпрыск советчицы... С одной стороны, не надо неглупой взрослой тетеньке болтать лишнего. С другой – сказала, заставила молодежь путешествовать, и удостоилась целой главы в романе. Да, короткой, единственной и нудноватой. Но зато первой. И это справедливо: ведь чтобы началась любая житейская история, достойная пересказа, кто-то что-то обя-

зан сделать не так.

2

Бывают же такие отвратительные вечера! Под прозрачным небом вольготно расположилась июньская сухая теплынь. Ветерок то метался по дворам, пропитываясь невнятным ароматом липового цвета, то рассеянно терял его на улицах. Пятница, и выходные уже начались. Алла Константиновна, стройная, прилично одетая, неспешно шествовала с работы домой. И вместо того, чтобы ощущать благодать свободы и покоя, мрачно думала: «Возраст – ужасная и странная штука. Пока родители не перебрались в могилы, казалось, что все умершие остались сзади. А живые, и дети, и старики, шагают рядом. Теперь чудится, мертвые не отстали. Они меня попросту обогнали – заторопились вперед и слились с горизонтом. Я иду за ними среди ровесников. Те, кто старше, маячат впереди. Те, кто младше, гомонят позади. Незнакомцы. Первые оглядываются на меня, на вторых оглядываюсь я.

Но ни догнать, ни остановиться и дождаться на этом пути нельзя – темп задан не мной. Причем те, что на глазах, не слишком опасны. А вот задние могут и камень в хребет бросить. В общем, правы древние индейцы. Будущее – за спиной, там все больше неизвестных людей. А прошлое – перед тобой – народу все меньше, перспективы все яснее. И так одиноко».

Мысли, конечно, тяжелые. Но куда от них денешься, если тебе пятьдесят четыре. Если мама умерла одиннадцать месяцев назад, а до сих пор легче не стало. Только замаячит вдали женщина, хоть чуточку похожая на нее, сердце обрывается. Хочется бежать к ней, будто гуляли вдвоем, ненадолго разминулись и снова встретились. А потом опомнишься и завидуешь тому, у кого еще есть мать. И еще никак не привыкнуть, что ты в семье старше всех. Даже муж на полгода моложе. Вот и накатывает уныние, особенно в моменты безмятежности. И деваться некуда. «Лгут, будто нельзя прыгнуть выше головы, – зачем-то кипятилась новаявленная сирота. – Есть всякие приспособления. Есть техники прыжка. Зато из себя не вырвешься. Если вырвалась, значит, это уже не ты».

Алла Константиновна длинно выдохнула, будто грусть накопилась в легких, и приложила ключ к кодовому замку.

– Алка, стой, – раздался над ухом знакомый властный голос.

Она привычно запрокинула голову, чтобы увидеть высокую раскрасневшуюся подругу Ленку, то есть давно уже Елену Алексеевну. Судя по яркости румянца и степени колыхания избытков тела под обтягивающим платьем, та гналась за ней от метро. Но даже этот стайерский забег не разгладил гримасы отчаяния на ее полном лице, ухоженном до киношного штампа «дама интеллигентная».

– Что стряслось? – напряглась Алла Константиновна.

– Идем, выпью кофе и смогу говорить. А то в горле пе-

ресохло. Ну, вперед, – скомандовала великовозрастная бегунья.

Они дружили уже лет тридцать. Но Алла Константиновна не переставала удивляться разнице темпераментов. Увидев впереди хозяйку дома, которую собралась навестить, она не понеслась бы за ней со всех ног. Пожалуй, и окликать не стала бы. Встретятся на десять минут позже, что изменится? А Ленка кидалась следом, выкрикивая имя, даже если догнать знакомого человека было нереально. В молодости это злило. В последнее время все чаще умиляло. И, разливая кофе из турки в маленькие фарфоровые чашки, Алла Константиновна чуть снисходительно улыбалась.

– Издеваешься? Я тебе хрипела, что хочу пить, что разговаривать не в состоянии, а ты мне даешь один глоток жидкости! – оказалась в силах бушевать Елена Алексеевна.

– Тебя и длинная дистанция на каблуках, как я погляжу, утихомирить не может. Пей минералку, пока кофе немного остынет. Сколько раз повторять, не дуй его ведрами. Он в аристократических дозах полезен, а не в лошадиных.

– Опять завелась! Сына воспитывай! Ладно, давай свою минералку. Не-ет, ты невыносима. Мало того что сероводородом воняет, так она еще и без газа. Алка, убери эту мерзость, я согласна на воду из-под крана.

– На, на тебе компот, горе мое, – сдалась Алла Константиновна.

– И зачем, скажи на милость, было пытаться человека? По-

чему нельзя было сразу предложить ему этот божественный напиток из ягод и фруктов?

– Потому что в нем сахар, Лена!

– Ну и что?!

– Ничего! – сообщила хозяйка, вспомнив, что подруга чем-то расстроена. – Об углеводах в другой раз поспорим. На тебе лица не было... Да и сейчас нет...

– И не будет, если этот ужас не кончится, – мгновенно переключилась Елена Алексеевна. Она торопливо отхлебнула компот. Поморщилась и глотнула кофе. Так и не разобравшись, что ей больше нравится, взяла и стакан, и чашку, перебралась из кухни в гостиную и устроилась на диване.

Алла Константиновна последовала за ней без раздражения. Если бы так свободно в ее доме переместился человек, входящий в него меньше трех десятков лет, она сочла бы гостя бесцеремонным. А Ленка – сплошной отдых от этикета. Нужен иногда, нужен.

– Ты вообразить не сможешь, чего я натерпелась, – заявила подруга. – Молчала при тебе, думала, вдруг образуется. Правда, неловко было говорить. У тебя была куча доводов против венчания. Но я не вняла. Я же самая умная! Я полагала, я утверждала, я ругалась с тобой! Помнишь, орала: «Когда люди с самого начала знают, что развестись не удастся, они живут как бы на чистовик. Не без ошибок, но красиво». Какое там! Алка, умная у нас ты. А я – полная дура.

Самобичевание было явлением крайне неприятным. По-

други мерялись интеллектом со студенческих времен. Наперебой теоретизировали, по большей части соглашались друг с другом и осуществляли задуманное вместе. Но бывало, расходились во мнениях и действовали каждая по-своему. Обе считали, что точный прогноз – доказательство великого ума. И ревниво нервничали, пока жизнь выясняла, кто из них более к ней приспособлен. Оказавшись неправыми, вели себя по-разному. Алла Константиновна расстраивалась, от собственных доводов не отказывалась, но Ленкины признавала вариантом. И забывала о задаче. Елена Алексеевна вслух объявляла Алку гением, а себя дурой. Но потом в нее словно бес вселялся. Она, сама того не замечая, доказывала, что умнее всех, критикуя и сильных мира сего, и слабых за все подряд. Особенно доставалось бедной подруге. Успокаивалась придира лишь тогда, когда сбывалось ее карканье относительно чего-нибудь масштабного, всемирного, а лучше вселенского.

– Ты мстишь правому, будто виноватому, это нехорошо! – говорила юная Алла, которой изменять окружающих к лучшему, читая мораль, казалось делом благородным.

– Разве? – удивлялась Лена. – Наверное, я так повышаю самооценку. После провала – естественное занятие. Не обращай внимания. Хихикай про себя, но не вслух.

Легко заказывать реакцию. Но с какой стати выполнять заказ? И Алла Константиновна нашла способ, которым пользовалась до сих пор уже автоматически. Надо было твердо не

соглашаться, как только услышишь: «Я – дура». И она привычно запротестовала:

– Ты глупее меня? Все кокетничаешь своим разумом? У тебя же IQ выше, и мы обе об этом знаем. Просто я гораздо циничнее. А сейчас такое время – осуществляются худшие сценарии. Правда чем гнуснее, тем реальнее. Ты, в отличие от меня, человечная, терпимая и просто не допускаешь, что люди могут настолько облениться мозгом, настолько уподобиться скотам. Так что умственные способности тут ни при чем.

– Да, все правильно. Ты даже умытых подозреваешь в том, что они или зубы не чистили, или под душем не были, – согласилась Елена Алексеевна, которой не терпелось начать жаловаться. – Слушай, уже два месяца Артем живет отдельно. И возвращаться к Светочке и Егорке не торопится. Обязанности мужа и отца, как выяснилось, уродуют его душу. Он молиться полноценно не в состоянии. Он вынужден отвлекаться от Бога не только на работе, но и дома. Он...

– Сволочь распоследняя и подлец, – яростно закончила Алла Константиновна. Нельзя было вводить подругу в соблазн обеления безобразного зятя. Тем самым та оправдывала бы и саму себя.

Дело в том, что Елена Алексеевна фанатично поддерживала идею дочери Светланы и ее тогда еще друга Артема венчаться. Ребята посещали воскресные службы в одном храме. Там познакомились, влюбились и решили хрустально жить

душа в душу. Алла Константиновна отговаривала подругу: «Не торопи их, не дави. Пусть пребывают в роли брата и сестры во Христе как можно дольше. Им надо в ресторан вместе сходить, в ночной клуб. Развлечения, знаешь ли, тоже сближают». Но фанатичная мать свирепела и начинала сверкать глазами: «Вот не терпится чистых девочку и мальчика в грязь окунуть, да? От тебя не ожидала. Вспомни, как мы пострадали из-за парней. Начнутся месячные или нет – главный вопрос студенчества. Каких усилий стоило твоего и моего паразитов в ЗАГС отвести? Распределение на носу, а они клянутся в вечной любви и тянут. А потом, сколько раз вы и мы были на грани развода? Только дети и удержали. Но тогда про венчанный брак даже не слышали. Теперь же – вот он – чудо, радость, благословение свыше».

Алла Константиновна в слишком заманчивые перспективы не верила. Сурово напомнила, что дефицита противозачаточных уже нет. Туманно намекнула на злосчастную судьбу Анны Карениной. Тихо спросила, с чего бы это люди отстаивали право на гражданский брак, если церковный идеален. Однако сбить Елену Алексеевну с толку не удалось. И девять месяцев на вопрос, как живут Света с мужем, та гордо отвечала: «Ангельски». Потом родился Егорушка, был торжественно крещен. И растроганная материалистка Алла Константиновна сказала: «Ленка, осваивайся в роли бабушки. Я тебя беспокоить не стану, но, если что понадобится, сама знаешь, всегда и с удовольствием». Счастливая подруга

исчезла на несколько месяцев. И вот появилась с известиями, что Артем снял квартиру, навещает жену и сына раз в месяц, интересуется их здоровьем, отдает десять тысяч и, даже не поужинав, возвращается к себе.

– И образумить его не можем, и разводом припугнуть, – грустно сказала Елена Алексеевна. – Он вообще в монастырь уйти грозит.

Алла Константиновна представила, как ей страшно за дочь и внука. Приказала себе: «Не нагнетай». Но не сдержалась:

– То есть ваш праведник напрасно спал с женщиной. Убедился, что от этого бывают дети, которых надо кормить и одевать для начала. Которые плачут по ночам. И что мешают делать в отремонтированной и обставленной тещей и тестем квартирке жены? Что больше мешают, а? Дрыхнуть или общаться с небожителями? Бездельничать или каяться в грехах?

– Ну, так жестко характеризовать его поступок не стоит, – упрямо заступилась безутешная гостья. – Он действительно ищет... Находится в духовном поиске...

– А Светка где? Дочь твоя где, я спрашиваю? – разъярилась хозяйка.

– Она его любит. Ждет. Молится. Обратилась к православному психологу. Изумительная женщина – глубоко верующая, мудрая. Помогает ей терпеть...

– Только терпеть? А пеленки стирать? Коляску таскать? В

магазине отовариваться? Деньги зарабатывать? Кстати, бесплатно помогает?

– Представь себе, бесплатно. То есть, конечно, можно оставить пожертвование. Но не ей в карман. Умоляю, не набрасывайся ты на церковь. Там все не так, как у нас. И не нам, грешным, их критиковать. Ты не суди, да не судима будешь, – попыталась унять воительницу Елена Алексеевна.

– А ты возвращайся к нормальному мышлению, ладно? Забыла, как это делается? Анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение... Не надо со мной цитатами общаться. Эти слова запрещают выносить приговор и тем более приводить его в исполнение. Они направлены против кровной мести, принципа «око за око, зуб за зуб». Но не против этого самого – анализ, синтез и так далее. Я высказываю свое мнение о поведении недоразвитого сопляка. Заметь, не утверждаю, что он безнадежен. И не собираюсь его казнить лично, – заявила Алла Константиновна, что при ее тяжелой руке было немало.

– И все равно не говори об истинно верующих дурно, – уперлась Елена Алексеевна.

– Помню, помню: «Кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Тогда – вперед! Перевези Светлану к себе, скажи: оттрахалась свое ради деторождения, хватит. И молча расти внука. Упроси зятя вернуться в пустую квартиру. Что ж он, бедный, в чужом углу икону лобызает, когда семья помещение освободила. Надоумь дочку отказаться от подачи мужа

– пусть он нищим раздаст. А лучше опустит в ящик для пожертвований – священникам виднее, как деньгами распорядиться. И главное, обе молитесь, чтобы Артем скорее оказался в монастыре. Помогите ему душу спасти, может, и вам на том свете зачтется. Только сообщите мне, дождались ли благодарности Егора, когда он вырастет, в университет поступит. Хотя чего ее ждать? В семинарию мальчика, по отцовским стопам.

– Алка, перестань ерничать. Душу же рвешь. Мне Светочку так жалко. И Егорушку. Что делать? – Запредельная усталость в голосе подруги могла остудить и нечто более раскаленное, чем Алла Константиновна.

Та умерила пыл и заворчала:

– Как что? Направить к хирургу, исправить оперативно, если консервативное лечение не дает результатов.

– Слушай, это уже пошло и грубо! – вскочила с дивана побледневшая Елена Алексеевна, расплескивая компот.

– Сядь, – испуганно потребовала хозяйка. – Ты о чем подумала? Совсем больная! Я пошутила. Смотри, ты терапевт, я терапевт, обе в полной растерянности. Что мы в таких случаях делаем? Консультируем. Отсылаем пациента к коллегам из хирургии. Ленка, все действительно очень серьезно, если ты профессиональный юмор не воспринимаешь.

– Нашла время и повод, – застонала несчастная.

– Извини. Извини. Ладно, предлагаю по пунктам. Во-первых, нарисуй плакатик с высказываниями Христа о детях.

«Ангелы их на Небесах»... И так далее. Явись в берлогу зятя, повесь на стенку и удались. Во-вторых, найми какого-то частного сыщика. Пусть месячишко понаблюдает за кандидатом в святые. Конкретно, с кем он духовно ищет, где и экипируется ли для этого презервативами. В-третьих, сходи к батюшке, которому он исповедуется. И поинтересуйся, должен ли муж и отец самоустраняться? Нормально ли перекладывать ответственность за семью на Бога? Может, парень забывает рассказывать духовнику об этом? Так поставь в известность, что духовное чадо вытворяет. Но лучше всего будет, если твой здоровенный муженек сходит к Артему и набьет ему рожу. В ходе мероприятия следует напомнить юноше, что он обязан подставлять другую щеку, отдавать последнюю рубашку, любить ненавидящих его, прощать до бесконечности. То есть, лупцуя, надо перечислить все добродетели, которыми героически спасают душу. Тогда забота о жене и сыне покажется мелочью и радостью. А синяки на морде – пропуском в рай. Да, еще оттащите его к мудрому, глубоко верующему психологу, чтобы учила терпеть, как Свету. Хотя можно и к атеисту психиатру. Случай редкий, однако бывает. Молодые отцы панически боятся грудничков. Испытывают брезгливость к выродившей это, по их ощущениям, мерзкое существо женщине. Особенно к тому месту в ней, которым рожала. Встряхнись, Артему нужна специализированная медицинская помощь.

Елена Алексеевна наконец-то осмысленно взглянула на

подругу. Ей потребовалось усилие, чтобы заговорить севшим голосом:

– Ты неисправима, я еле сдержалась, руки чесались убить тебя. Такое несла... Но в итоге, кажется, нащупала... Артем ведь хороший мальчик... Да, это тот самый синдром... Мне надо подумать, как осуществить... Наверное, обычным способом? То есть доктор якобы не доктор, пациент – не пациент, случайно встретились где-то, разговорились? Слушай, Окунев Олежка не откажет, он в Кащенко работает, недавно консультировал мою родственницу со стенокардией. Там такой страх смерти развился – отказывалась вставать с кровати, есть, пить... Я пойду, ладно? Созвонимся... – Она медленно повлеклась к входной двери, думая только о психиатре Окуневе. Дотронулась до стены в прихожей, обернулась: – Спасибо, Алка. Есть надежда. Это сработает...

– Что-то из предложенного обязательно, – насмешливо завила ее хозяйка. – Лично я ставлю на качественный мордобой для начала. Видишь ли, физическое воздействие на психику в чем-то переоценено, а в чем-то недооценено.

Гостя попыталась опрометью выскочить на лестницу, но чуть не покалечила девушку, которая в задумчивости разглядывала номер квартиры. И после серии бессвязных айканий обратилась с членораздельным вопросом:

– Скажите, пожалуйста, вы – Алла Костомарова?

– Я? Нет. И очень этому рада. Я ухожу, Алла меня провожает. Только для вас она Алла Константиновна. И фамилию

девичью сменила. Теперь сами извольте представиться. Вы вообще должны были начать с этого. Всегда говорила, что от кодовых замков в подъезде толку мало. Кто угодно может неожиданно возникнуть на пороге квартиры. – Судя по крепнущему тону, жена, мать, теща и бабушка в одном лице раздраженно и стремительно возвращалась к жизни.

– Не успела представиться, извините. Лера Тимофеева. Дочь Ани Тимофеевой. – Девушка послушно отчитывалась, явно робея взглянуть на ту, к которой шла. – Мама училась вместе с Аллой Костомаровой в мединституте...

– С Аллой Константиновной, не забывайтесь. Да, да, припоминаю. Я была в другой группе, но на том же потоке. Анна, блондинка невысокая, раза с третьего или четвертого поступила. И как у нее дела? – вежливо поинтересовалась Елена Алексеевна.

Казалось, пришелица готова была развернуться и удрать. Тут подала голос опомнившаяся хозяйка:

– Дай бог, хорошо, не жалуется. Аня уже давно в вечности.

– Нет, ну, у тебя сегодня шуточки, – возмутилась подруга. – Меня достала, так хоть незнакомого человека-то пожалей.

– Мама умерла в девяносто четвертом году, – сдавленно подтвердила Лера.

– Да, точно, точно, вылетело из головы. Анна работала в ведомственной поликлинике, скончалась от рака. Соболезную, – пробормотала Елена Алексеевна. И вдруг ринулась

вниз по лестнице, почти выкрикивая: – Все, все на этом, я больше не могу! Вы меня с ума сведете!

– Удачи, – напутствовала утекающие звуки Алла Константиновна. И ободряюще улыбнулась незнакомке: – Заходите, не разувайтесь, не стесняйтесь. Чай? Кофе? Минералка? Компот?

А в голове клубилось: «И дома, как на работе, очередь из тяжелых больных. Нескончаемый день. Что я говорю? Зачем ей мой компот?»

3

Неожиданное появление девушки встревожило Аллу Константиновну. Внутри словно похолодало. Мысли парили, как редкие снежные хлопья, и опускались в теплое любопытство: «Что нужно этой Лере?» Там они таяли, становясь лишней влагой в глазах. Если моргнешь, истекут простыми слезами. Неловко плакать. и не объяснишь человеку, что это всего лишь талые мысли. Что они пока не о нем, а все еще о своей маме, о тяжких обстоятельствах заигравшегося в домострой семейства подруги.

Хозяйка усадила гостью на диван, где только что ерзала горестная Ленка, метнулась в кухню и торопливо приложила к векам салфетку. Потом сноровисто заварила чай, распаковала дежурную коробку шоколадного ассорти, жестянку датского печенья и отнесла угощение в гостиную. Привыч-

ные действия наконец-то успокоили. Можно было сосредоточиться на предстоящей беседе, которая началась обычно.

– Спасибо, но не стоило беспокоиться, я забежала на один вопрос – ответ. Извините за вторжение, Алла Константиновна, но я не рискнула бы звонить и договариваться о визите, даже если бы у меня был ваш телефон. По трем номерам меня уже довольно далеко послали. Сказали, что не знали Аню Тимофееву, не знают и знать не хотят. И я решила, что встреча лицом к лицу предпочтительнее. Нахально, да. Но вы – последний мой шанс.

– Лера, не волнуйтесь, пейте чай, ешьте сладости. Знаете, когда-то ваша бабушка впервые угостила меня орешками с английским кремом. Молоко, желтки, сахар. У нас дома такого печенья не делали, это было настоящее открытие. Подавали же уникально щедро, за всю мою жизнь ни у кого больше не встретила. Испеченные золотистые скорлупки лежали в одной вазочке, а крем в другой. Берешь его ложкой, кладешь в половинку. Сначала понемногу, культурненько. А потом обалдеваешь от вкуса и забываешься, и с горкой... Вы не торопитесь, не пытайтесь уложиться в десять секунд.

– Да, да, приятно слышать. Обращайтесь ко мне на «ты», пожалуйста. Я бестолково говорю. В мамином блокноте записаны координаты десятка сокурсниц – телефонные номера и один адрес. Ваш.

– Верно, когда она записывала, мы только что сюда пере-

ехали, у нас еще не было домашнего телефона. Стояли на очереди и пользовались уличным автоматом... Даже не верится. Телефон провели, когда я закончила институт. Но нас с Аней к тому времени судьба уже развела. Кстати, вы... ты уверена, что «посылали» сокурсницы? Люди все эти годы перемещались по городу, по миру. А если и оставались на месте, сами номера, бывало, изменялись. Теперь они могут принадлежать другим квартирам.

– Я как-то об этом не подумала. Выходит, мне с вами очень повезло. И спасибо, что вспомнили маму. А то женщина, которая выходила от вас...

– Эта женщина измотана семейными проблемами, – опередила нелестное высказывание Алла Константиновна. И жестко продолжила: – Но именно она в девяносто четвертом обзвонила наш курс, чтобы собрать деньги на похороны Ани. И чтобы твоим родственникам первое время было на что тебя кормить. А зарплату тогда всем задерживали, и ее, мизерной, ни на что не хватало. Пришлось брать количеством тех, кто мог дать хоть рубль. Лена за два вечера после работы объехала на метро весь город. А ведь они с Аней были едва знакомы. Да еще, как видишь, забыла о своем подвиге. Не об Ане, а о том, что сделала, понимаешь? Другую, как говорится, разбуди среди ночи, и она перечислит все свои благодеяния. И всех, кого облагодетельствовала, поименно и пофамильно. Это я не в укор. Это совет – никогда не торопись с выводами. То, что ты выслушала, неприятно. Но в жизни

пригодится.

Лера потупилась. Ее будто отчитали в учительской за то, что ябедничала, хотя она всего лишь ставила в известность и звала на помощь. Или отругали в медицинском кабинете за то, что ела немытые фрукты, следовательно, живот заболел правильно, сама виновата. Вертелись в голове слова «жестокость» и «бестактность». Хотелось быстро, не поднимая глаз, уйти. Нет, оправдаться и гордо удалиться. Она ведь по-своему вознаграждала Аллу Константиновну за долгую память об орешках. Сама бабушку не помнила, но мама в детстве тоже две вазочки ставила. У них, оказывается, была замечательная семейная традиция! Так хорошо стало на душе. Вот и противопоставила добрую женщину всем остальным. Неудачно, как выяснилось. Но девочкой она была стойкой и целеустремленной. Разве мало ее не понимали и обижали? Все в своем праве. И ей не возбранялось объясниться, прежде чем зареветь и сбежать.

– Урок полезный, – глухо сказала она. – Но согласитесь, я и предположить не могла такого.

Хозяйка уставилась на нее с явным интересом. Подумала: «Умна не по возрасту. Пришла спросить о матери и отступить не намерена, хоть что с ней делай. Молодчина». Ответила мягко:

– Соглашусь. Знаешь, мы с Аней не виделись после института лет десять. И вдруг ко мне врывается Лена, то есть Елена Алексеевна, и говорит, что столкнулась с Тимофеевой

на улице, что была у нее дома. Ну и описала все – болезнь, м-м-м... нужду... Вызвалась поговорить со своими друзьями в онкодиспансере, чтобы положили. А потом собрать денег. Я готова была помочь, ждала ее звонка. Через неделю, нет, меньше, она приехала – зеленая, в слезах – мы опоздали, Аня умерла. У меня тогда сын болел пневмонией, оставить было не с кем. И она одна все сделала. Давай именно эту тему оставим. Даже мне невыносимо. А уж каково тебе – и представить страшно.

Настала очередь Леры удивляться: «Запредел! Она понимала, что делает мне больно. Как можно заговорить о деньгах на похороны в таком тоне и через минуту прямо-таки сострадать? Сознательно, все сознательно!» Алла Константиновна ее «круглых глаз» не заметила. Она уже давно была безжалостно отравлена профессией, от которой не существует противоядия. Показалось, что девочка инфантильна, винит в сиротстве весь мир, злится на любого, кто невольно ранил. А это – причина всех грядущих болезней. Жалость к себе и недоверие к людям ослабляют иммунитет. И доктор автоматически начала лечить ее горькой правдой. Убедились, что лекарство без надобности, стала обращаться, как со здоровой. Подлила чайку, улыбнулась в ожидании следующей фразы. Растерянной Лере пришлось соответствовать:

– Не собиралась расстраивать вас, не хотела отнимать много времени. Я сжилась с этим, Алла Константиновна. Привыкла думать, что мама отмаялась. Смерть была избав-

лением от таких мук, что ее впору было звать и торопить, а не проклинять. Теперь наоборот, любое упоминание о прошлом, чья-то сопричастность веселят, как ни дико это звучит. И я очень прошу вас ответить честно... Если вы в курсе... Десять лет с мамой не виделись после института, но вдруг какие-то слухи доходили, сплетни... В общем, вы не знаете, кто мой папа?

– То есть? – опешила собеседница, готовая, как водится, ко всему, кроме этого.

– Поверьте, мне ничего от него не надо. В смысле материальном. Я отвечаю за персонал довольно крупного банка и неплохо зарабатываю. Но мне необходимо выяснить, от кого я родилась.

Алле Константиновне такой умоляюще-заклинающий тон был не в новинку. Им спрашивали: «Доктор, я еще поживу или завещание оформлять?» Надо же, она представления не имела о том, что Тимофеева – мать-одиночка. Тогда еще не принято было сознательно «рожать для себя». В основном под залет выходили замуж. И только если мужчина не женился, если аборт делать было поздно, что называется, оставляли ягодку любви. Лет через десять после рождения своего сына, который был немного старше Леры, она впервые услышала от беременной пациентки: «Да мой хахаль не прочь жениться. Только он безработный. И жить на пособие одинокой матери выгоднее. Пальцем на таких сейчас уже не показывают. И начхать мне с десятой вышки на чужие пальцы.

Пусть в носсах ими ковыряют. Теперь путана – завидная специальность. А я – женщина порядочная, на заводе работаю – делаю как лучше для своего маленького».

Известие о смерти Ани было очень тяжелым – никто из сокурсников еще даже в катастрофах не погибал. «Начало положено», – вздохнула тогда Ленка. Они с Аллой утешались тем, что девочку заберут родственники, все лучше, чем государственный приют. Догадались, что мама Тимофеевой тоже умерла, раз внучка не осталась с ней. А по поводу отца вообще не заморачивались: бросил жену и дочь, когда сообщили диагноз. Сволочь. Мало их таких? Сплошь и рядом. И вдруг оказалось, что мужа в помине не было. Болезнь и угасание Тимофеевой представлялись еще более мучительными – ее девочка оставалась полной сиротой. Алла Константиновна чуть по-бабьи не заплакала, но матерый врач снова опередила прочие ее ипостаси:

– Что значит «необходимо выяснить»? Требуется анамнез наследственности? У тебя проблемы? Диагноз поставили? Лечишься?

– Нет, что вы, я здорова. Просто годы идут...

– Ну да, ну да, может, отцу неизвестно о твоем существовании. Может, ему нужна твоя помощь, и ты с удовольствием расшибешься в лепешку...

– Откуда вы знаете? – тихо спросила Лера.

– Через это проходят все дети из неполных семей. Фантазируют годами, а потом начинают подгонять задачку под

ошибочный ответ. В большинстве случаев такие... м-м-м... изыскания и встречи разочаровывают и причиняют боль. Средство от жгучей потребности найти папу – самой выйти замуж и родить. Материнство отшибает любые иллюзии напрочь.

– Алла Константиновна, вы не обязаны меня поддерживать. Но зачем бить в солнечное сплетение? Почему вы такое говорите?

– Опыт.

– Опыт? Или вы в курсе, кто мой отец? Клянусь вам, разочарование и боль – мелочь по сравнению с неизвестностью.

– Не клянись никогда и никому, даже себе. Все равно соврешь. Лера, я не грублю и не ампутую тебе крылья. Просто стараюсь уяснить, продолжать ли нам этот разговор. И в каком плане.

Незванная гостья медленно поднялась, не отрывая взгляда от своей чашки. Она словно боялась испугнуть им хозяйку.

– Я понимаю. Где можно руки вымыть?

– Коридорчик из холла направо, – послала Алла Константиновна.

И, оставшись в одиночестве, сжала кулаки. Ногти впились в ладони, но она все давила и давила ими кожу, все эти линии жизни, судьбы, головы, сердца, здоровья. Будто собиралась выдавить из них ответ, который по медицинской заповеди не навредит.

Сентябрьские занятия в институте. Гордые и растерянные

дети являли собой пример броуновского движения. Они хаотично перемещались, сталкиваясь с людьми из своей группы то в укромном углу, облюбованном немногочисленными еще курильщиками, то в столовке, то на остановках. Болтали, знакомились. Девочки прибивались к девочкам, мальчики к мальчикам, будто в первый класс пришли, а не на первый курс. Все активничали, только Алла Костомарова была ненормальной частицей – застряла в человеческом достоинстве, оскорбленном предательством, и не шевелилась. Ее школьная подруга оказалась в другой группе и старательно делала вид, будто они незнакомы. Потому что не отставала от дочки профессора-хирурга, дружба с которой сулила ей некие блага. Какие именно, Алка не понимала, но было очень обидно. Откуда ей было знать, что первый этап сменится вторым: люди начнут искать друзей широко – на потоке, на курсе, на своем факультете, на других. И с профессорской дочкой они еще покуролесят так, что мед запомнит надолго.

Но тогда она была доброжелательно равнодушна. Ее способность поддержать любой разговор, умение ввернуть анекдот к месту и готовность терпеливо ждать курильщицу, пока та дымит, мощно притягивали. И столь же сильно отталкивало явное нежелание распахивать душу. Задержалась рядом только Аня Тимофеева, которая тоже к нутряному стриптизу предрасположена не была, а домой им было по пути.

Девушки были слишком разными, чтобы интересоваться

друг друга больше недели. Алле едва исполнилось семнадцать, Ане – двадцать один. У первой была золотая медаль, не слишком высокая, но все же номенклатурная и с перспективой роста мама. Вторая, чтобы поступить, отработала секретарем на кафедре пару лет и год в деканате. Матушка ее трудилась на заводе и была инвалидом из-за какого-то нервного расстройства. Костомарова с рождения жила в квартире, Тимофеева – в десятиметровой комнате, в громадной коммуналке на Петровке. Однако семью днями они не отделились. Ане хотелось говорить, Алле легче было скучать с ней молча, чем терпеть одиночество. И еще обе были добрыми, не способными ни навязываться, ни грубо отделиваться от кого бы то ни было. Хотя именно об этой главной своей похожести так и не догадались.

Аллу в Ане смущало многое. Старорежимный блин припильенных на затылке длинных волос. «Бабский прикид» – черная юбка за колено, шифоновая блузка с бантом на груди, ровный самовяз шерстяной кофты, а с ноября по апрель – добротные пальто. Ни джинсов, ни куртки, ни дубленки, ни импортного трикотажа. Но это еще удавалось объяснить своеобразным представлением о моде в рабочей среде. Чтобы прилично одеться, надо было пойти в ателье, послушать «художника» – тощую девицу, черпавшую идеи из журналов «Работница» и «Крестьянка», потом посоветоваться с закройщицей в возрасте, которая брезгливо отвергала эти идеи, и, наконец, выбрать нечто среднее между «как у всех»

и «как у Толкуновой на «Голубом огоньке». Влетало это в копеечку, сшитое на заказ берегли – Тимофеева проносила свою одежду все годы учебы. Вещи неизменно были чистыми и отутюженными. Так что с ее внешним видом аккуратистке Костомаровой удавалось мириться. Да и занимались первокурсники в халатах. Надо ли говорить, что такого белоснежного и хрустко крахмального, как у Ани, ни у кого не было.

Но манера Тимофеевой сводить любой треп к интиму казалась непристойной. Со всякой дороги она уверенно сворачивала на одну: кто с кем любовники, каковы оба, по ее мнению, в постели и долго ли им еще там кувыркаться вместе. Озабоченная девушка всех подозревала в половых извращениях, о которых Алла в жизни не слышала. Она с родни одеяло скидывала. Однажды буднично, не краснея, сказала: «От мамы ушел дядя Миша. Это ее последний гражданский муж. Она не очень расстраивается, говорит, они год жили как брат с сестрой». Костомарова испытала неловкость, будто это сказали про ее мать. И утвердилась в мысли, что приятельница – сексуальная маньячка, но не виновата в отклонении. Поспи-ка с детства в одной комнате с родительницей и ее мужиками. Разовьется тут болезненное любопытство и соответствующее воображение.

Однако возмущившая девочку Аллочку распутная тетка оказалась простой, милой, уютной, добросердечной женщиной. Тимофеева как-то предложила зайти. Костомарова поколебалась, но решилась. В комнатенке не было ни пылин-

ки. Стекла и паркет блистали, будто во дворце. На широкой металлической кровати возлежали нереальной пышности перина и подушки, накрытые чем-то кружевным и белоснежным, как в деревне. Ничего развратного в постели не было. Она смешила в городе конца двадцатого века, и только. Остальная мебель была вполне современной. И диван, на котором ночевала дочь, устилал скромный бежевый плед. Инвалидка с больной нервной системой вовсе не застыла в кресле-каталке, гримасничая причудливыми тиками. Крепкая, улыбчивая, облаченная в цветной байковый халат, с завитыми и уложенными волосами мать Ани искренне обрадовалась гостю и принялась хлопотать. Той вспомнились слова «попотчевать», «уважить» и «приветить».

Книг здесь не читали. Художественный вымысел в фильмах отрицали – режиссеры снимали правду, чем глупее, тем правдивее. Но о реальных людях знали все, особенно кто с кем спит и от кого рождает. Типов, с какими Аню и маму жизнь еще не сталкивала, неизбежно встречали их бабушки-прабабушки. И не забыли рассказать внукам-правнучкам. В основном устные предания касались мерзостей человеческой натуры. В самом деле, чего о добре-то предупредить? Все сами выпячивают, чтобы и слепой заметил. Это зло прячут. Его надо учить распознавать. А какое зло самое злое для женщины, будь она хоть уборщица, хоть начальница? Правильно, баба, способная увести мужика.

Поначалу Алла слушала с любопытством. Ей и в голову

не приходило, что такое множество простых людей втихую блудит напропалую, осуждая менее скрытных грешников и, кажется, до изнеможения им завидуя. Все жизненные трагедии и комедии во все времена начинались, как оказалось, с похлопывания женщины по задку. Мудрый народ думал лишь о размножении. И уверял, будто в этом смысле он един с легкомысленной интеллигенцией. Да, еще справедливости в мире не доставало. Но пережить это было легче, чем безнаказанный соседский разврат. Костомарова сочла эту трактовку действительности клеветой на человечество. В ее окружении тоже болтали о любви, романах, флирте, свадьбах, изменах, разводах. Всегда с точки зрения чувств – хорошо ли поступили, дурно ли. И никогда с точки зрения физических ощущений – удовлетворяет кто-то кого-то или нет. Ей захотелось подарить Тимофеевой несколько книжек и билеты в театр.

Пока раздумывала, не обидит ли Аню столь явным намеком на узкие и мелкие интересы, к ним прибилась Ленка. Не найдя достойных общения с глазу на глаз ни в группе, ни на потоке, она занялась целым курсом. Несколько раз подседа к Костомаровой и Тимофеевой в буфете. Слушала, вопросы задавала. И подумала, что Алла не слишком отстала от нее в умственном развитии. Дальше все было просто. Ленка не отставала от девушек ни на шаг и неумолчно болтала, задавая близкие Алле и чуждые Ане темы. Тимофееву никто не гнал. Она сама незаметно отправилась искать собеседниц попроще. Уставшая мысленно присутствовать при чужом совокуп-

лении Алла, разумеется, ее не удерживала. Честно говоря, ей и Ленка не слишком нравилась. Казалась трепливой эгоисткой. Но лень было избавляться, притворившись дурой. Так и продружили тридцать лет.

С Аней они больше не пересекались. Здоровались приветливо, спрашивали друг у друга: «Как дела?» Ответ не интересовал. Но у обеих до выпускного сохранялась уверенность в том, что, если понадобится помощь, есть к кому идти. Аллу Тимофеева однажды выручила так, что забыть не удалось, хотя иногда сильно хотелось. Надвигался грозный экзамен по анатомии. И – все, никаких костей, вырезок из человеческих тел, называемых препаратами, целых трупов. А главное, свобода от зубрежки многословных латинских названий каждой толики того, из чего состоят люди. Костомаровой удавалось сдавать на пятерки зачеты. Но даже ей приходилось утешать себя: «Ты – золотая медалистка, у тебя отличная память и вкус к латыни. Как же справятся блатные троечники, деревенские ребята и рабфаковцы? А ведь переползут через эту анатомию на четвереньках. И еще прекрасными хирургами станут. Не трусь, получишь свое «отлично».

Не тут-то было. В сессию мама вспомнила, что в этом году отец прекращает платить алименты: «Все, дорастил дочь до совершеннолетия, может свои жалкие копейки тратить на детей, которых не бросил». – «Я так хочу с ним встретиться, – сказала Алла. – Мамочка, пожалуйста, устрой нам сви-

дание напоследок. Он ведь несколько раз пытался меня увидеть, но ты запрещала». – «Я защищала тебя от глупых надежд! – воскликнула упрямо не пропавшая с ребенком на руках женщина. – Ты такая доверчивая и впечатлительная! Что толку от встреч с подлецом, который ушел от нас, когда тебе было два года? И вообще, я тебя обманывала. Врала, пошло врала, будто он тобой интересуется. Не пытался он тебя увидеть никогда. Ни разу за шестнадцать лет не звонил, не маячил в пределах видимости. Это – жестокая правда. Больше не говорим о нем, смысла нет. Я его не простила и не прощу. И тебе советую». Как раз в это время мама собиралась замуж, и дочь заподозрила, что признанием она отсекала разговоры о бывшем муже, не желая расстраиваться. Не верилось, что можно лгать, дескать, отец хочет тебя увидеть, а я не позволю, облегчая неполное, но все-таки сиротство ребенка. О чем Алла маме и сообщила. Мама соглашаться отказалась. Обе сорвались, каждая со своей цепи обиды и одиночества. Так, как тогда, они ни до, ни после не ругались. Повторить те оскорбления не смогли бы и на дыбе. Разумеется, за криками последовали дни взаимного бойкота.

Вместо того чтобы учить анатомию, Костомарова страдала. Ненависть к матери была безмерна. Не удержала ее папу, молодого, красивого, доброго, выгнала. Значит, не любила. А другой бабе он был дорог. Родила ему двоих детей, уже много лет семья живет. И на самом деле отец рвался к дочке Аллочке. Мама не пускала их друг к другу, чтобы он не ска-

зал, кто виноват в разводе. Раз так, и ее мечта о дочери-враче не осуществится. Пусть выгоняют из медицинского, пусть. И Алла не пошла на экзамен, к которому готова все равно не была.

Но, достигнув предела в обвинениях матери, она инстинктивно сделала шаг назад от края. И подумала: «Вдруг папа действительно только раздражался, когда из его небольшой зарплаты вычитали на меня деньги? Мы с мамой – отрезанный ломоть, и, если бы не эти чертовы алименты, он забыл бы о нашем существовании, как о неудачном эксперименте. В конце концов, мог бы найти меня, тайно встретиться. Не очень-то было нужно, получается». За просветлением следовал безжалостный, нагло оскалившийся ужас: «Что я натворила? Сдала на пятерки все, и дифзачеты, и экзамены. Зачем, зачем я послала к черту анатомию? И без зубрежки могла попробовать как-нибудь. Господи, спаси, ради Бога». Мама была в командировке. За пару дней необходимо было склеить осколки ее мечты.

Алла помчалась в институт. Рассказала в деканате и на кафедре что-то чудовищное о нападении хулиганов, умоляла. Поскольку двоечников, как обычно на этом рубеже, было много, ее допустили к сдаче вместе с ними. Пришлось лгать вернувшейся маме, будто экзамен перенесли. Девушка уныло зубрила, тупо рассматривала препараты в анатомичке, но справиться с отчаянием не могла. И с билетом ей катастрофически не повезло. Кое-как ответила на тройку с

минусом. «Ставлю «удовлетворительно» не за знание анатомии, а за отличную зачетку, – вздохнул пожилой седоусый доцент. – Как же вы так, товарищ студентка? Безответственно?» Привыкшая к ее «высшим баллам» мать сначала растерялась. Потом разъярилась. Допытывалась, что она себе позволяет. Дочь отмалчивалась. У нее не осталось сил врать.

Однако через неделю их пришлось искать. Студенческий заезд в мамином ведомственном доме отдыха в Прибалтике угорал без Аллы. Ее наказали рублем за первый в жизни трояк. Она таскалась в магазин за глазированными сырками и ряженкой, пылесосила дом и грустила. Каникулы пропадали. Однажды, возвращаясь из супермаркета, нашла в дверях записку: «Аллочка, где ты? Сдала анатомию? А то нашему старосте нужно отчитываться перед деканатом. Про всех все известно, все обошлись без пересдачи, только ты – загадка. У меня пятерка, сама не верю. Мечтала о трояке, как о большом везении. Староста попросил меня найти тебя. Забеги ко мне. Жаль, что не застала. Гуляешь? Мальчик появился? Пока. Аня». Костомарова представила себе, что эту бумажку обнаружила мама, и расплакалась.

Нужно было идти к Тимофеевой, чтобы не усугублять опасность разоблачения. И всю дорогу неудачница выдумывала причины своего провала. За плохую отметку было стыдно. Алла думала, что такой же стыд испытывают воры и убийцы. Под гул метро, который не ей одной помог не свихнуться, она решила наплести, что безответно влюби-

лась. Аня должна была счесть это интересным объяснением. Но, очутившись в уюте и чистоте комнаты на Петровке, приняв из теплых рук Аниной матушки чашку с чаем, Костомарова вдруг понесла нечто несусветное. У нее, дескать, накануне экзамена умер папа. Она ничего не сказала маме, потому что та его до сих пор любит как ненормальная, замуж за других не идет и, самое ужасное, ждет, вдруг когда-нибудь вернется. И вот ночью стойкая дочь одна вылетела в Иркутск на похороны. Папина жена и двое сыновей открыто ее шпыняли, едва ли не гнали с кладбища. Но верная Алла все стерпела – родной отец преставился, горе.

Растроганные хозяйки прослезились и согласно кивали: «Да, Аллочка, да, милая, люди – звери, ничего святого. Дурили, завещал он тебе что-то. И злодейски пытались избавиться от тебя, чтобы не отдавать». Аня так и сказала «злодейски», чем ввергла гостью в неведомую ей прежде радость. Алла с трудом скрыла истинные чувства и объяснила, что после такого унижения стало не до анатомии. Ей сочувствовали, выясняли, какая жилплощадь у покойного была на Севере, какого возраста у него мальчишки, кем он работал. Алла закусила удила и фантазировала, разбавляя слезами чай. А в голове вертелось: «Только бы про иркутские достопримечательности не спрашивали. Я же там никогда не была». То, что ее живехонький освободившийся от алиментов папа и его вторая семья тоже из Москвы уезжали только летом в Сочи, ее тогда не занимало.

Процесс лжи был таким вдохновенным и ярким, что даже совесть Костомаровой молчала, пораженная и, кажется, испуганная. Алла смутно догадывалась, что давно хотела, чтобы с экзаменом и родителем все обстояло именно так. Это безумное желание убедило и чувствительных Тимофееву с мамой, и ее саму. И раздавленная, опозорившаяся мерзкой тройкой девушка вышла на улицу с нахально вздернутым подбородком. Настроение было отличным.

Начался семестр. Мама ехидно интересовалась, когда Алла устроится на работу. Полгода содержать троечницу она не желала. Обе знали, что эти разговоры – метод воспитания и профилактика бунта. Чем ближе и реальнее становилось замужество матери, тем чаще дочь, норовящую высмеять будущего отчима, затыкали угрозой принудительного труда. А подрабатывать медсестрой ночными дежурствами Костомаровой не хотелось даже из гордости. Отличница вдруг на собственной шкуре убедилась в том, что, изуродовав зачетку трояком, не поглупела. Новые друзья-приятели от нее не отвернулись. Напротив, как-то ближе стали, будто признали человеком. Перевалив за хребет анатомии, народ решил, что бояться отныне нечего. Разве что за аморалку могли отчислить. И массово закурил и опасно запил на вечеринках. Алла стала учиться добротнo, но без фанатизма и от лихого коллектива не отрывалась.

Тем не менее, когда настала пора выдачи стипендии, ей было не по себе. Чтобы студенты не удлинляли очередь в кас-

су, деньги на группу получал староста. А потом наступало лучшее время в институте. На сей раз шелест купюр, щебет девушек и остроты мальчиков на тему «напиться и забыться» Алла слушала из угла коридора. Она не сообразила незаметно исчезнуть вместе со злостными врагами успеваемости. И вынуждена была начать пробиваться к дверям сквозь шумную веселую толпу в одиночестве.

– Костомарова, куда? Я должен твою стипу до вечера носить, что ли? – ухватил ее за рукав взмокший от ответственной дележки староста.

– Так я же анатомию... Мне не начислили, – выдавила из сухого горла Алла.

– Начислили, – бодро сказал он. – В деканате в журнале все твои пятерки, тройка и написано – смерть отца. Так что прими соболезнования и деньги.

Расписавшись в ведомости, Алла посмотрела поверх голов сокурсников. Аня Тимофеева пересмеивалась с кем-то, аккуратно складывая бумажки в кошелек. Надо было подойти к ней и поблагодарить. Но дело в том, что бескорыстная лгунья не могла ограничиться словом «спасибо». Она принялась бы клясться, что рассказала о папе, не думая о стипендии. Не догадывалась, что есть причины, по которым ее не лишают. Сообщила бы, что покойник никакой не покойник, а она, заживо его хоронившая, дрянь. Вообще не понимает, как с ней такое случилось. Раскаивается, извиняется и отказывается от денег.

Разумеется, Алла струсила. Признание застряло в ней, и казалось, уже никогда не удастся легко и безболезненно дышать. «Я создам Ане лишние проблемы. Разочарование во мне она как-нибудь переживет. Но повторить мое идиотское объяснение в деканате невыносимо. Господи, ведь все это – чистая правда, я действительно врала и готова отказаться от стипендии. А ей там перестанут верить. В конце концов, я ее ни о чем не просила. Она сама решила, сама ходила, сама говорила. С кем? Со знакомыми секретаршами? С деканом? Что я натворила! Как жить дальше? Сдохнуть честнее», – лихорадочно думала Костомарова. Ее тошнило. Зрение утратило четкость. В виски глухо и тяжело молотилась кровь. Она не помнила, как ехала домой. Там рыдала. Выла. Билась лицом о подушку. Когда пришла мама, дочь выскочила в холл и швырнула стипендию на пол: «Вот, ликуй, кормить меня тебе не придется». У нее был такой вид, что мать отшатнулась и не решилась потребовать собрать деньги.

С неделю ей было паршиво-препаршиво. А потом наслоились другие впечатления. И наслаивались до того вечера, когда подруга рассказала о смерти Тимофеевой. Она обмякшими руками вытрясала из бумажника содержимое. «С ума сошла! Я понимаю, ты в шоке, но на что жить будешь? У тебя, между прочим, ребенок болеет», – пыталась образумить ее Ленка. «У мужа есть заначка», – отмахивалась Алла. Хотя знала, что ни копейки у него нет, а скандал будет отвратительный. Она исколотой нервными мурашками кожей чув-

ствовала, что это – последний шанс вернуть долг Ане. Даже не ей, что в голове не укладывалось, а ее дочке, родне, кому угодно, только отдать все деньги. Успеть.

И вдруг оказалось, что должок за ней числится до сих пор. Только не наличные понадобились сироте, а ответ на вопрос, кто ее папа. Шершавое ощущение, будто тогда, выгребая деньги, Алла сознательно не заметила рубль и теперь за ним пришла наследница Тимофеевой, грубо заполнило женщину. Изгонять его было бессмысленно. «Решайся, да, нет, только решишь на что-нибудь», – призвала себя Алла Константиновна. Но это и было невыносимо трудно, потому что расплачиваться за ее откровения предстояло уже не ей самой, а Лере.

Аня Тимофеева будто встала перед глазами. Алла Константиновна всегда считала это фигурой речи. Какое там! Вот же она – грустновато, но с хитринкой улыбается и молчит. Не только строгое желание не походить на распутницу запрещало ей вынимать шпильки из прически и носить легкомысленные тряпки. Сама природа, казалось, озаботилась тем, чтобы не дать этой девушке стать слишком привлекательной. Натуральную блондинку с тяжелыми длинными волосами, светло-голубыми глазами и молочного цвета кожей едва ли не уродовал широкий короткий пористый нос. А отличная фигура, буквально девяносто – шестьдесят – девяносто, не смотрелась при росте в полтора метра даже на высоченных каблуках. Она нормально училась – четверки,

немного пятерок. Но не хвасталась интеллектом по причине его отсутствия. Культпоход в театр вызывал у блестящей от возбуждения глазами Ани однотипные замечания – этот актер гомика, а тот – кобель. И еще она не участвовала в вечеринках группы, больше напоминавших попойки, – курса с третьего работала медицинской сестрой ночами и в выходные. В узкие стильно-джинсовые компании с широкими и экстравагантными интересами ее не звали.

Вряд ли у нее был шанс увлечь ровесника. Костомарова не исключала, что ради столичной прописки какой-нибудь деревенский, отслуживший в армии и намучившийся на рабфаке мальчик женится. Его после общаги и комната не испугала бы. И теща. Наоборот, ее инвалидность обеспечивала молодой семье участие в драмах распределения за пределы Москвы. Но во время учебы таких не нашлось. Что поделаешь, году в восемьдесят третьем двадцатого века иногородние студенты усиленно обольщали не просто москвичек, но москвичек хоть с каким-нибудь блатом. А в меде их было... Собственно говоря, только они и были.

4

– Э... Я присяду?

Хозяйка подняла голову. Она удивилась бы меньше, возникни в поле ее зрения Аня Тимофеева. Но с ноги на ногу переминалась Лера. За метр шестьдесят ростом, худо-

щавая, длинноногая, густоволосая брюнетка, глаза темные, кожа гладкая, носик пряменький. Тонкие летние джинсы и майка из бутика. И все же было в ней что-то неуловимо тимофеевское.

Алла Константиновна вновь не сообразила, что это – доброжелательность. Готовность не осудить человека, а узнать его и поразиться. Измученная гостями женщина среагировала только на внешность и подумала: «Явно в отца девочка».

Будь у нее время отстраненно поразмыслить, она вряд ли сказала бы то, что сказала. Это было глупо, сентиментально, попросту вредно для девчонки, а то и нехорошо по отношению к Ане. Кто знает, рада она была бы таким откровениям или наоборот. Мало ли что ляпнешь случайной приятельнице на первом курсе. Детям об этом сообщать через много лет вовсе не обязательно. Но Лера тихо спросила:

– Вы вспомнили что-то? Кем мой папа хотя бы мог быть?

И Алла Константиновна почему-то сухо ответила:

– Для начала повторю главное. Я представления не имею, как жила Аня после института. Более того, я смутно представляю, как она жила после первого курса. Она была хорошим человеком и однажды сделала такое нечаянное для меня добро, что вряд ли я вправе тебе лгать, будто мы не говорили на тему деторождения. Только подчеркиваю, разговор состоялся ориентировочно в семьдесят восьмом году. Надо думать, лет за восемь-девять до твоего появления на свет?

– За девять, – прошептала Лера, боясь вспугнуть то, что она считала удачей.

– Вот видишь, за такой срок меняются человеческие представления о чем угодно.

– Алла Константиновна, вы меня уже до истерики напугали. Создается впечатление, что мама грезилa людоедом, – не выдержала Лера.

Тон был насмешливым, а не злобным или отчаянным, что понравилось маниакально кружившей вокруг да около хозяйке. Она уже почти додумалась поинтересоваться, говорила ли мать дочери, от кого ее родила. Но эта нетерпеливая дочь постоянно сбивала ее с верных мыслей. И Алла Константиновна выпалила:

– Не людоедом, а старым евреем.

Протянутая за чашкой с давно остывшим чаем рука гостыи замерла в воздухе.

– Кем-кем?

– Старым евреем. Ты шокирована?

– Н-нет, – через паузу и с запинкой сказала Лера. И взяла в руки не чашку, а себя. Похоже, кадрами в частных банках заведовали хладнокровные девушки. – Не обращайтесь внимания на реакцию. Просто... Знаете, мамины родственники в Подольске... Такая простая русская семья... Вообразить, что кто-то из родни собрался замуж за, мягко говоря, иноверца... Считается, что они хоть и умные, но порядочно ведут себя только со своими, а обманывать чужих им не за-

зорно... Я с ними работаю, прекрасные люди, но... Не представляю, как ввести такого в дом к тете, дяде... Ни за что не примут.

Алла Константиновна понятиливо кивнула. Даже сейчас, во втором десятилетии двадцать первого века, такое неуклюжее объяснение не требовало уточнений. А тогда мечта родить от женатого, обремененного взрослыми детьми, не собирающегося бросать семью еврея, высказанная вслух, звучала гораздо непристойнее, чем описание полового акта с ним. Нет, кое-кто из девчонок ради отметки ложился под экзаменатора любой национальности. И все разумели, что для дуры это единственный способ не вылететь из института. Но бредить сексом с дедком, чтобы забеременеть, да еще твердить, мол, обрезание удваивает женское наслаждение, могла только сумасшедшая.

– У Ани была своеобразная теория. Надо отдаться доктору медицинских наук, профессору и родить от него. Он свое дитя и его мать никогда не бросит, то есть хорошо обеспечит, потому что еврей. И когда охладет к любовнице, не станет препятствовать ее близости с другим мужчиной. В том смысле, что щедрые выплаты на ребенка не прекратятся, – мягко сказала Алла Константиновна.

– Доктору наук? – задумчиво переспросила Лера. – Медицинских?

Кажется, ей стало легче. И хозяйка поспешила закрыть неловкую тему:

– Я думаю, когда-то какая-то юная труженица с кафедры действительно подзалетела от профессора-еврея. Аборт делать отказалась. А неподнятый скандал требовала оплатить студенческим билетом себе и деньгами ребенку, пока не вырастет. Мужчина согласился. Или обошлось без нажима. Были любовь, страсть и желание продолжиться в общем дитятке. Случается, хотя гораздо реже, чем шантаж. Эта единственная история и передавалась годами, а то и десятилетиями от секретарши к секретарше. Легенда. Почему-то твоя мама серьезно к ней отнеслась. Сказочный вариант засел в ее голове крепко. И как долго там продержался, не знаю.

– То есть она всего лишь была не против такой судьбы?

– Лера, я рассказала тебе все. Вузовские преподаватели – бабники поневоле. Каждый год вокруг появляются новые, все более раскованные красотки. Попробуй удержаться от соблазна. Но полагаю, доктора наук способны учиться на ошибках коллег и детей делают нечасто.

– Но мама блондинка, а я темноволосая и черноглазая! – запротестовала девушка.

– Вот этого я и боялась, – тоскливо вздохнула женщина. – Не заставляй меня проклинать собственный язык. Разве все брюнеты принадлежат одной национальности? И потом, Аня бегала на кафедру пару лет, пока там были знакомые девочки. Они поступили, их места заняли незнакомки. А навещать заведующих... Это из области фантастики... Неуловимые и труднодоступные из-за огромной занятости господ.

– и все-таки фамилия, имя, отчество у этого... Кстати, почему вы о завкафедрой во множественном числе говорите? – не отступила настырная гостья.

– Да тогда из-за ремонта и строительства в одном здании довольно долго ютились две клиники, две кафедры. И обеими руководили пожилые заслуженные евреи. Оба, имей в виду, завидные семьянины – жены, дети. Твоя мама работала секретарем в терапии. Но хирургия была совсем рядом. Послушай, Лера, ну, нет шансов, что кто-то из них твой отец. Извини, слухи долетали... Оба мужика были ходоками с громадным стажем... Умели избегать сюрпризов. Я же не только для очистки совести тебе правду рассказываю. Ты должна учитывать, что у Ани возникали экзотические и смелые идеи. Но вела она себя очень тихо и скромно. Ты же только что описала свою родню. Она была такой же. И еще... Однажды она привела на вечеринку одноклассницу. Как-то странно ее называла... А, вспомнила, Клавдюша. Эта самая Клавдюша работала медсестрой и откровенно завидовала будущим врачам. Есть такие сестрички, которые уверены, что больше докторов знают и умеют. Свое превосходство над нами она выражала своеобразно – ни с кем не разговаривала и третировала Аню. Та только посмеивалась и утешала ее комплиментами. Мол, Клавдюша у нас самая умная, самая красивая, у нее жених замечательный. Мы бесились, шептались, что Тимофеева из-за каких-то комплексов потворствует наглости и хамству. Она же просто так дружила. Понимаешь?

Добрая душа. Я не представляю, как Аня расчетливо соблазняет матерого ловеласа. Подлости не хватило бы... Слушай, а эта Клавдюша могла знать, кто твой отец. Ты с ней не связывалась?

— Я ее не помню. — Девушка наморщила высокий лоб, но он быстро разгладился. — Скорее всего, она прекратила общаться с мамой, как только вышла за своего замечательного жениха.

— Во всяком случае, некая осведомленная Клавдия была в Аниной молодости. Больше мне нечего тебе сообщить. Еще чайку? — Алла Константиновна давала понять, что закончила.

На самом деле она вовсе не была уверена в том, что Аня Тимофеева не добилась своего от одного из престарелых сластолюбцев. Этих-то пористой кожей лица, бесформенным носом и маленьким ростом не смудишь. Тем более при наличии остальных внешних достоинств. И при явном томлении девушки за двадцать. Роман со студенткой был опасен, но с интерном напоследок можно было и согрешить. Вдруг она проходила интернатуру там же, где начинала секретарем? Вполне можно было явиться к профессору и попроситься к нему в клинику на год. Своим, начинавшим за пишущей машинкой, поступившим, выучившимся, не отказывали. Уже помогать, так до конца. Если бы не существовало такого рода «мелкого блата», один «крупный» доконал бы социализм гораздо быстрее. А так все куда-то пристраивались и на ка-

кое-то время удовлетворялись этим. Потом обзаводились семьями, рожали, в заботах о потомстве умеряли амбиции. И начинали искать связи, чтобы пристроить детей.

Алла Константиновна помнила, что удивило их с Ленкой, когда та встретила уже обреченную Аню. Во-первых, новая квартира. Чистая комната на Петровке – это стильно. При условии, что вам не предстоит в ней родиться, вырасти, состариться и умереть. Конечно, мама Ани была инвалидом, трудилась на большом заводе и лет двадцать пять стояла в очереди на жилье. Сколько ни отодвигай человека, но до пенсии должны были осчастливить. И ведь свершилось тогда, когда дочь работницы заканчивала интернатуру. Совпадение? Или тот же «мелкий блат»? Если доктор наук лечил недужного директора крупного предприятия, то вполне мог намекнуть. Тогда начальник вызывал профорга, парторга и разражался монологом, вроде: «Что там у нас с Тимофеевой? Какая у нее группа инвалидности? Она грозитя в ЦК жаловаться. Не доводите до неприятностей, впихните в сдающийся дом». Вариант, конечно, сомнительный и маловероятный, но чем черт не шутит.

Во-вторых, ведомственная больница. Если в получении жилья удача еще могла улыбнуться многолетнему нездоровому очереднику, то в адском деле распределения после окончания высшего учебного заведения она крепко сжимала губы и стискивала зубы. Тут божий подарок каменел в скорби по себе: в него никто не верил. Трудоустройством чада

в ведомственное лечебное заведение бредили все родители студентов медицинских институтов. Премии, а то и тринадцатая зарплата. Льготные путевки в санатории, дома отдыха и детские лагеря. Длинный и богатый список распределяемого профсоюзами дефицита. Медикам перепало не слишком много, но ощутимо больше, чем в городских учреждениях. Так что очутиться сразу после института даже в поликлинике без мощного блата Ане не удалось бы и чудом. Но чтобы таковой задействовать, уже недостаточно было быть просто опекаемой кафедрой выпускницей. А вот любовницей заведующего – пожалуй. Беременной любовницей – еще вернее. По срокам все совпадало. В семьдесят восьмом Аня Тимофеева поступила в институт. В восемьдесят пятом была интерном, потом еще год ординатором. В восемьдесят седьмом переехала в двухкомнатную квартиру (похоже, у ее мамы был нешуточный диагноз) и родила Леру.

Чувствительная дочь Ани и не слишком опытная, но явно талантливая кадровичка внимательно наблюдала за хозяйкой дома, в который так лихо ворвалась. Молодость уловила легчайшие колебания зрелости. И переиграла ее – изящно и быстро. Жесткая красивая тетка уже два часа откровенно прикидывала, что выгоднее для сохранения своего хорошего настроения – делиться информацией или утаивать. Наконец решила, что ее совести удобнее озвучить воспоминания. Так говори все, не дозируй слова по своему усмотрению! Явно ведь сидит и еще какими-то тайнами давится. Лера глубоко

вдохнула, мысленно сосчитала до десяти и показала, что такое верх терпения. При этом ловко скрыла низ хитрости:

– Алла Константиновна, большое вам спасибо за все. Жаль, что не знаете, кто мой папа. Но я пила чай с маминей подругой. Вряд ли вы представляете, что это для меня значит. Я сильно вас задержала. Только если есть немного времени... Покажите мне институтские фотографии, будьте добры... Мамины пропали... А так интересно посмотреть на нее, на вас тогда...

Обрадовавшись, что не нужно больше мучительно сообщать, в чем именно заключается ее долг перед Аней Тимофеевой, хозяйка принесла толстый допотопный альбом. Наверное, так и должен был пройти этот вечер, явись Лера интересоваться студенчеством умершей мамы. Они неторопливо листали картонные страницы, переговаривались. И когда дошли до выпускных фотографий, Алла Константиновна сама ткнула пальцем в два мужских лица. Одно было откровенно семитским – нос с горбинкой, короткие выующиеся черные волосы, большие уши. Второе обдавало красотой, как солнечным жаром на юге, – пышная седая шевелюра, высокий лоб, четкая классическая лепнина бровей, носа, губ и очаровательная ямочка на квадратном, но не тяжелом подбородке. Разве что глаза были маловаты для совершенства. Лера любовалась и запоминала фамилии. А расслабившаяся Алла Константиновна болтала:

– Они оба перебрались с семьями в Израиль. Когда я была

на усовершенствовании, мы интересовались, как наши преподаватели живут на исторической родине. Этот, – она показала на забавного брюнета, – Михаил Хананович, участвовал в Великой Отечественной, то есть Второй мировой. Ордена и медали в День Победы на груди не умещались. Сама понимаешь, как его обеспечили на исторической родине. Дом, отличная пенсия. И не благодаря наградам, там любому, к кому война прикоснулась, нищета не грозит. Человек даже не стал пытаться искать работу. А вот он, – наманикюренный ноготь бережно дотронулся до фотошки красавца, – Григорий Самуилович, был моложе. Мы всякого наслушались об уехавших докторов наук. Но про него толком ничего известно не было, сплошные загадки. Одно точно: примерно через год после отъезда отсюда он издал в Израиле, Европе и Штатах какой-то свой новый учебник на английском. Поговаривали, что двинулся в Нью-Йорк и осел уже там. У него были очень талантливые дети, близнецы, мальчик и девочка. Учились со мной в одной школе класса на два-три впереди. Почему-то не стали заниматься медициной. Были перспективными то ли химиками, то ли физиками. Может, родители с ними в Америку махнули? В любом случае эти дети уже близки к пенсионному возрасту.

Только на этой фразе время милосердно восстановило связь с Аллой Константиновной. А то она уже не соображала, в какой поре своей жизни находится – то ли в институте учиться, то ли с десятию годами врачебного стажа готовится

категорию получать после усовершенствования, то ли в школе старшеклассников разглядывает. Оказалось, женщина напрасно пыталась лишать дочку Ани иллюзий. Боялась, вообразит невеста что, станет разыскивать якобы отца, получит от ворот поворот и утонет в отчаянии. А тут кого искать? Глубоких старцев с наследниками-пенсионерами? И где? В этом мире? Или они уже переселились в иной?

– Сколько же теперь лет самим господам докторам наук? – вслух спросила Алла Константиновна.

– Можно в Интернете посмотреть, – живо отозвалась Лера.

– А там про них есть сведения? Они же уехали из страны, – усомнилась хозяйка.

– Если что-то сделали в науке – конечно, – обескуражено, будто выслушала неандертальца, пояснила гостя. И не сдержалась, коротко прыснула: – Алла Константиновна! Двадцать первый век. Капиталистическая Россия. Столица ее, Москва. Отъезд куда угодно уже не является предательством Родины. В Сети всем доступна информация на любом языке. Хотите убедиться?

– Нет, я не настолько дремучая, просто вырвалось, – пробормотала часть истории.

И принесла ноутбук. Через минуту нашелся внушительный список научных трудов и биографии обоих профессоров. Заключительные строчки каждой были одинаковы: «С 1990 года живет в Израиле». И все. Но главным потрясением

и для нее, и для Леры стали даты рождения. Один появился на свет в тысяча девятьсот двадцать третьем году, второй – в тысяча девятьсот тридцать девятом!

«Одному хорошо за девяносто, другому почти восемьдесят, – быстро сосчитала Алла Константиновна. – С ума сойти, какая ветошь. Если Лера не нацистка и желает быть дочерью заслуженного ученого, может выбрать в папы любого. И ведь нетрудно догадаться, которого выберет».

Ей вспомнился студенческий разговор. Ленка тогда усиленно отваживала Аню и показывала той, как нужно трепаться о мужчинах:

– На Григория Самуиловича существуют только две реакции – экстаз при виде или «мне, debilке, все равно».

Удар был неприкрытым – Тимофеева не участвовала в обсуждении тех, с кем работала в институте, – преподавателей и декана. Она не прочь была родить от ученого доктора-еврея, но никогда вслух не рассматривала кандидатур.

– А если человек стесняется хвалить внешность профессора? Вряд ли сдержанность равнозначна дебилизму, – заступилась Алла.

– Унимать собственный восторг по поводу народного достояния, живого произведения искусства? Это уже признак конкретных эротических фантазий на его счет.

– Твой природный шедевр, твой идеал, мягко говоря, толстоват. Ботинки всегда стоптанные, костюмы мятые. И воротник в перхоти, – насмешливо сказала вдруг Аня. – Пол-

нота и неряшливость, знаешь ли, могут отталкивать.

– Стиль, нездешний академический стиль, – попыталась отбиться Ленка, но было заметно, что она уязвлена.

Алла Константиновна усмехнулась и внимательно посмотрела на Леру. Девушка выглядела поникшей – она тоже неплохо считала в уме.

– Итак, получается, в год нашего поступления в институт Михаилу Ханановичу было чуть больше пятидесяти, а Григорию Самуиловичу – немного за сорок, – зачем-то продолжила упражняться в арифметике хозяйка. – Надо же, а я воспринимала их как дедушек.

– А сейчас им... Извините, но столько не живут... Они уже – руины некогда прекрасных замков. Мечта археолога. В лучшем случае. Или в худшем? – проявила здравомыслие гостя. – Хотите правду? Я была готова услышать историю про красивый роман с сокурсником, которому вредные алчные предки запретили жениться. Он побунтовал и сдался. А мама родила меня.

– Все это вполне могло быть. И с сокурсником, и с доктором, и с пациентом, когда твоя мама была интерном. Но мы с ней проходили интернатуру в разных клиниках. – Голос Аллы Константиновны вновь обрел твердость.

– Да, разумеется. Мы вернулись в исходную точку. Спасибо вам огромное еще раз за то, что уделили время. До свидания.

И Лера Тимофеева покинула дом так же стремительно,

как ворвалась в него.

5

Хозяйка даже удивилась – неужели одна? И задач, у которых что-то не то с условиями, вроде – два яблока плюс три литра, какова скорость ветра, – задавать больше некому? Умиротворение снизошло на нее мгновенно, будто и не было напряжения, головной боли, сомнений, не очень приятных воспоминаний. Лишь смутное недоумение чуть-чуть трогало, но не царапало. Клавдюша. Алла Константиновна представления не имела о том, что их короткая встреча в большой компании сохранилась в голове. Тот монстрик был ростком всего сантиметров на пять выше Ани. Он явно гордился правильным носом и крашеными длинными волосами, которые тщательно завил и, к ужасу расхристанных медичек, густо сбрызнул лаком.

А еще нарядился в алое платье и выкрасил губы ярко-красной помадой. Его зеленоватые глаза – злые, какие-то ненасытные в разглядывании исподтишка – пугали одинаковым, часами не меняющимся выражением. Он унижал Аню все резче, все заметнее для остальных. Та громко и, казалось, совершенно искренне хвалила чудовище, до которого никому дела не было, и оно на несколько минут успокаивалось, отдыхало, чтобы снова разойтись. Алла Константиновна недоумевала, зачем ей Клавдюша? Что она до сих пор де-

лает в ее памяти? И много ли такого ненужного хлама там валяется? Но, как ни странно, вспомнив все, женщина убедилась в том, что ей это не нужно – не влияло на ее жизнь, не влияет и уже никогда не будет.

Чтобы состояние вдруг не изменилось, она торопливо убрала с глаз ноутбук и фотоальбом, вымыла посуду. Следы пребывания Елены Алексеевны и Леры исчезли. «И это пустое, как Клавдюша, – думала она. – Ленка будет решать свои проблемы без меня, у нас теперь мировоззрение разное. Я ничем не смогу ей помочь. У младшей Тимофеевой есть своя причина нервничать, грустить, беспокоить знакомых Ани. Но это чужая причина, не моя. Мне все равно, кто ее отец. Целый вечер моей единственной жизни ушел в песок небытия. Вроде и не жалко. Но как-то обидно. И похоже, я сейчас взбешусь на фоне своего тупого равнодушия».

Не успела. Хлопнула входная дверь.

– Ма-ам, ты дома? – нетерпеливо крикнул из прихожей сын. – Жарко, пить хочу!

Все на свете надежно встало на место. Это ему, двадцатисемилетнему мальчику, юному тощему волку, неустанно рыскающему в поисках смысла и счастья, предназначался компот. Он любил этот сладкий фруктовый отвар с детства. Не признавал ни соков, ни колы.

– Я здесь, Витенька, – отозвалась Алла Константиновна. – Папа ждет нас на даче, грозился курицу запечь. Уехал еще днем...

– Ага, значит, он на машине, а мы на электричке. Нечестно, – засмеялся сын, входя в комнату. Чмокнул мать в щеку, заглянул в глаза: – У тебя все в порядке?

– Да. Устала немного. Переобщалась. И не завидуй отцу. Неизвестно еще, кому хуже. Нам с тобой десять минут до платформы и двадцать пять в поезде. А ему часа два в пробках стоять. Он бы с удовольствием составил нам компанию. Но не тащить же гамак, одеяла и новые кастрюли на себе, – урезонила мать, которая считала, что и умеющему читать не лишне повторять алфавит. – Пей свой компот, сегодня абрикосовый. Я переоденусь, и двинемся наконец.

– Абрикосовый? Здорово. Спасибо, мам.

Их отношения не были идеальными – поссориться, и довольно шумно, могли когда угодно, из-за любой ерунды. Но Алле Константиновне почудилось, будто только такой мирный родственный диалог и возможен между ними. В конце концов, Виктор точно не перепутает неспособность любить жену и ребенка с верой в Бога и знает собственного отца. И она, мать, немало усилий приложила, чтобы было так, а не иначе.

Женщина улыбнулась и пошла в спальню надевать джинсы. У нее не было ни своих, ни чужих причин жаловаться на судьбу.

Глава 2

1

Август упорствовал в том, чтобы запомниться всем, кто в нем жил, прохладным и дождливым. Прогноз на оставшиеся десять дней лета не вдохновлял. «Только бы нормально, без задержки рейса вылететь в Нью-Йорк, – заклинала погоду Лера Тимофеева. – А то не явимся вовремя, не застанем хозяина квартиры и останемся на улице. Ищи потом недорогую гостиницу в туристический сезон. Ребята меня проклянут».

Да, еще спускаясь по лестнице в чистенькой, умеренно обшарпанной многоэтажке Аллы Константиновны, она понимала, что завтра же начнет хлопотать об американской визе. Или послезавтра: суток на то, чтобы выяснить, не умер ли красавец Григорий Самуилович, должно было хватить. Друзья по всему миру, зависшие в социальных сетях, были готовы выяснить про пожилого обитателя Нью-Йорка что угодно. Интересоваться перешагнувшим девятый десяток, не очень симпатичным Михаилом Ханановичем и тащиться ради него в Израиль Лере не хотелось. Девушка оставила ветерана войны на крайний случай.

Она, как миллионы людей до нее, самостоятельно вывела

правило освобождения: нуждаешься в том, чтобы человек о тебе забыл, – убеди его, будто он добился от тебя, чего хотел. Уверяла Алла Константиновна, что ни один из ученых докторов не мог быть ее папой? Лера и продемонстрировала ей разочарование древним возрастом обоих. А на самом деле мысленно похвалила себя за настойчивость. Да пышно так: «У меня есть дар предвидения. Никогда не подводила интуиция, мое главное достояние и достоинство. Вот я решила, что пора искать отца. Недоумевала еще, почему именно сейчас, когда полно работы. Заставляла себя откладывать, но что-то жгло изнутри, подгоняло. Оказывается, все было правильно и вовремя. Отныне буду прислушиваться только к себе. Никому не позволю сбить себя с толку советами и нравоучениями. В конце концов, кому нужна здоровая, преуспевающая, счастливая Лера Тимофеева больше, чем самой Лере Тимофеевой? То-то». Она, если честно, думать не думала о кровных узах с господином под восемьдесят. Но этот вариант отныне не исключался и заставлял торопиться.

Сокурсница мамы произвела на девушку впечатление удручающее. Баба так ценила свой неповторимый внутренний мир, что еще в молодости принялась защищать его жесткими конструкциями цинизма. Откроет тайную крышечку, проветрит то, что называется душой, вдохнет аромат, полюбуется сиянием, вновь закроет. И навалит сверху всяких ржавых железяк для маскировки. Ей задали прямой вопрос. И еще упростили задачу, мол, сплетни, слухи, намеки, до-

гадки – все устроит, только помогите. А она? Начала отвлекать внимание, тянуть резину, чтобы слазить в себя и упиться чем-то личным. Вспомнила некое сделанное ей добро, решила запоздало его отработать и поделилась Аниной юной мечтой о беременности от еврея-профессора. А если бы не вспомнила? Так и оставила бы себе желания и чувства мамы, которые по праву наследования принадлежали Лере? Хорошо, что младшая Тимофеева на работе поднаторела в незаметном тестировании всякого рода соискателей. Что проводить тренинги сотрудников с высшим образованием и немереными амбициями было ее профессией. Иначе пришлось бы уходить от этой Аллы Константиновны ни с чем.

Сиротство обрушилось на девочку накануне восьмилетия и пробило в ней дыру, в которую утекло абсолютно все. И пару лет, пока зарастало дно сквозной раны, в ней не удерживалась даже боль. Пыталась цепляться острыми когтями за стенки, терзала, но неизбежно вываливалась. Наверное, это и спасло. Но с тех пор Лера ненавидела усилия, не приносящие результата. И людей, которые не заполняли ее жизнь хоть каким-нибудь смыслом. Она знала, как страшно в бесчувственной пустоте, где есть только ты, ненужная самой себе.

Лера не кривила душой, говоря Алле Константиновне, что относится к смерти как к избавлению от запредельных мук. Она запомнила маму сильно располневшей после химиотерапии, какой-то желтой, ужасающе некрасивой, с полубезум-

ными глазами, в которых медленно тускнела надежда. Изредка Аня горячно твердила дочке, что скоро поправится, что они будут жить весело и долго. А потом стала говорить только про себя – поправлюсь и буду жить. Лера старалась, ухаживала за ней, как могла. Даже яичницу научилась жарить, храбро выхватывая из кипящего масла падающие в него осколки скорлупы. И полы мыла на совесть – доставала тряпкой каждый уголок, потому что мама как-то простонала: «Эта грязь дома меня убьет». Но болезнь оказалась сильнее наводимой ребенком чистоты. За неделю до конца Аня Тимофеева упросила пожить с ними двоюродную сестру. При ней и умерла. Вернувшейся из школы Лере тетка мрачно сказала: «Отмаялась бедная. Упокой, Господи, душу рабы Твоей Анны. Если и была в чем грешна, все страданием искупила. Избавь нас от такого заболевания, Господи, это же невозможно вынести».

В Подольске, в маленькой квартире тети Риты, дяди Володи, их детей – десятилетнего Коли и тринадцатилетней Лиды – сирота попросту отъедалась. Она не просилась домой к маме. Только подушка по утрам отчего-то бывала мокрой. Тетка не ругала, гладила по головке, вздыхала и шептала: «Дитё, дитё».

И лишь потом, когда образ Ани утратил жуткие черты распада и приблизился к виду едва знакомой симпатичной хохотушки, забиравшей после уроков мальчика из параллельного класса, Лера начала тосковать по ней. Какое-то вре-

мя стеснялась, понимая, что выбрала маме другую внешность. Но однажды подружка сообщила ей на ухо, что очень хочет быть дочкой этой женщины, потому что ее собственная «мамашка – распустеха, злющая и лупит за конфеты». «Уж если человек мечтает живую маму заменить на более красивую и добрую, то сироте не грех чуть приукрасить умершую», – решила девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.